

В Лоцзюэ есть темница, где круглый год царит ледяной холод и никогда не бывает солнца.

В самом дальнем её углу томится мужчина. Его волосы спутаны, в полумраке не разглядеть лица, а руки прикованы цепями к стене. Несмотря на заточение, он не кричит и не мечется, в отличие от тех, кто сидит в соседних камерах. Он сидит удивительно тихо, опустив голову, и распущенные пряди скрывают его лицо, придавая фигуре вид полной безнадежности.

Е Сесемнадцатая уже второй раз спускается в эту темницу, но всё равно не может сдержать дрожь от пронизывающего холода. Она плотнее кутается в одежду, оберегая пламя свечи, и направляется вглубь.

Здесь заперто немало учеников различных школ. В нынешние смутные времена в мире боевых искусств пропажа одного-двух человек — дело обычное, поэтому никто и не догадывается, что они томятся здесь.

Те, чья внутренняя сила достаточно крепка, ещё способны сопротивляться холоду. Услышав шаги, они бросаются к решеткам, моля о спасении. У тех же, чья энергия слаба, хватает сил лишь сжаться в углу, пытаясь защитить жизненно важные точки.

Есть и такие, кому выпала «милость»: им выдали по ватному одеялу. Кутаясь в них, они дрожащими руками стараются вывести на рисовой бумаге какие-то записи.

Если вы подумали, что это важные персоны, удостоенные особого отношения, то ошиблись.

Всё просто: те, кто умеет подстраиваться под обстоятельства, остаются в живых. Достаточно лишь записать внутренние техники и приемы своей школы, и тогда не придется страдать от голода и холода.

Некоторые, считая себя мастерами, пытались сбежать, но не успевали отойти и на полшага, как их ждала мучительная смерть. Это быстро отбило у остальных желание искать пути к спасению.

Свет свечи остановился у последней камеры.

Ань Чжиюань слегка поднял голову. Увидев пришедшую, он не скрыл разочарования и вновь опустил взгляд. Это не она.

— Зачем ты пришла? — спросил он хриплым голосом.

Он узнал эту девушку: она сопровождала ту, другую, что стояла за её спиной в прошлый раз.

— Я исполняю волю Госпожи...

При слове Госпожа тело Ань Чжюаня мелко задрожало, цепи на запястьях звякнули. Он поднял голову и с надеждой в глазах прошептал:

— Она... она что-нибудь передала?

Е Сесемнадцатой стало не по себе от этого полного ожидания взгляда. Она отвела глаза и произнесла:

— Госпожа сказала: «Учитывая, что усадьба была неплохо обустроена, оставьте тело нетронутым».

Ань Чжюань на мгновение застыл, а затем разразился диким смехом. Этот звук перекрыл мольбы других пленников и содрогнул всю темницу. Казалось, он смеется самой своей жизнью, и в этом смехе слышалась безмерная тоска.

Смех стих. Какие холодные и безжалостные слова. Учитывая, что усадьба была неплохо обустроена... Неужели он был настолько ничтожен в её глазах?

Ань Чжюань смотрел в пустоту. Неясно, говорил ли он с собой или с Е Сесемнадцатой, но он начал вспоминать:

— Впервые я встретил её, когда мой отец был ранен...

— Отец! Отец, что случилось? Как вы могли вернуться тяжело раненным, ведь вы просто выехали из поместья! — Ань Чжюань с укором смотрел на слуг, сопровождавших главу усадьбы.

— Молодой господин, мы сами не знаем. Когда мы подросли, господин уже был ранен. Об этом нужно... нужно спросить её. Это она спасла главу усадьбы, — один из слуг с опаской указал на девочку в красном, стоящую неподалеку. В тот день её искусство убивать, не моргнув глазом, повергло их в ужас.

Ань Чжюань проследил за жестом слуги и вздрогнул. В суматохе он не заметил её раньше. Неужели в мире бывают дети, подобные изваяниям из драгоценного нефрита, словно духи, сошедшие с небес?

— Юная... госпожа?

Он не успел договорить — Дугу Цзюэ вышла из комнаты.

Ань Чжюань бросил взгляд на лекаря, который должен был обработать раны отца, и со спокойным сердцем последовал за ней.

Она стояла в галерее и смотрела вдаль. Суэта людей вокруг никак не затрагивала её, не влияла на её настроение.

Ань Чжюань невольно сделал шаг к ней, но один её взгляд заставил его остановиться. Смутившись, он сложил ладони в приветствии:

— Благодарю вас, юная госпожа, за спасение моего отца. Ань Чжюань приносит вам свою признательность.

Она не ответила, продолжая смотреть на пейзаж.

— Смее ли я спросить ваше имя? Юная госпожа... откуда вы родом? Позвольте мне проводить вас домой, чтобы мой отец мог выразить вам свою благодарность лично?

Никакой реакции. Её взгляд по-прежнему был погружен в свой собственный мир.

Видя, что она всё время смотрит на сад, Ань Чжюань набрался храбрости:

— Госпожа, позвольте мне показать вам красоты нашей усадьбы?

Прошло немало времени, прежде чем он решился отступить, но вдруг прекрасное дитя едва заметно кивнуло.

— Когда я увидел этот кивок, я был вне себя от радости. Я водил её повсюду, не пропуская ни одного уголка, лишь бы продлить время рядом с ней, — на бледном лице Ань Чжюаня появилась улыбка. — Хотя она молчала и никак не проявляла чувств, и я не знал, слушает ли она меня, я продолжал увлеченно рассказывать всё подряд. Пока мы не дошли до самого южного края усадьбы. Место там глухое, за ним почти не ухаживали — лишь пруд с лотосами радовал глаз, а вокруг бушевал сорняк. Именно там я увидел самую прекрасную улыбку на свете...

Наверное, тогда Госпожа вспомнила того человека, поэтому и улыбнулась так нежно. Ведь её тепло и чувства принадлежали лишь ему одному... тому, кто был подобен чистой, сияющей луне.

— Эта улыбка пленила моё сердце, — Ань Чжюань беспомощно усмехнулся. — Ты, наверное, сочтешь меня жалким. В то время я видел немало красавиц, но сердце моё осталось у

одиннадцатилетней девочки.

Нет... она была такой же.

Е Сесемнадцатая, обычно скупая на слова, тихо промолвила:

— Мало кто может устоять и не поддаться очарованию Госпожи.

— Да, она так загадочна и притягательна. Хочется быть ближе, даже зная, что она — смертельный яд... — уголки губ Ань Чжиюаня дрогнули, взгляд потускнел.

Он выдавил из себя улыбку и продолжил:

— Осмотрев усадьбу, мы вернулись в комнату моего отца...

— Благодарю вас за спасение, госпожа. Я в неоплатном долгу, — старый глава усадьбы, сидя на кровати, сложил руки в жесте благодарности.

— Я спасла тебя не просто так.

Старик опешил, Ань Чжиюань замер в изумлении.

В мире боевых искусств спасение не всегда подразумевает награду, но принято хотя бы на словах соблюдать приличия, выказывая благородство. Никто еще не требовал платы так прямо.

Старый глава, повидавший на веку немало, быстро пришел в себя:

— Не знаю, чем я могу отплатить вам, госпожа. Прошу, скажите. Если это в моих силах, я исполню.

— Мне — нужна — ваша — усадьба, — четко, по слогам, произнесла Дугу Цзюэ.

У старика перехватило дыхание, он не нашелся, что ответить.

— Завтра дашь мне ответ, — сказала она и улетела.

— Тогда я был потрясен, но тут же подумал: если она станет хозяйкой усадьбы, смогу ли я видеть её каждый день? — Ань Чжиюань горько усмехнулся. — Я добровольно отказался от прав на главенство и умолял отца передать ей усадьбу... Отец слег от гнева, но в итоге уступил.

— Когда в усадьбе начались ропот и недовольство, я подавил все слухи. Она не знала дел, и я передал ей все свои знания. Она была невероятно умна: стоило сказать один раз, как она всё запоминала. Через полгода она уже во всём разбиралась. Те полгода, что я провел с ней, были самыми счастливыми в моей жизни...

— Я... могу увидеть её еще раз? — в голосе Ань Чжиюаня послышалась мольба.

— Нет, — Е Сесемнадцатая разбила его мечты.

— Что ж, и верно. В темнице сыро и холодно, пусть не приходит. Так будет лучше, — несмотря на то, что он знал ответ, сердце всё равно болело. Он не увидит её даже в последний раз.

— Наверное, я больше не приношу ей пользы... — Ань Чжиюань говорил с горечью, не зная, спрашивает ли он Е Сесемнадцатую или самого себя. — Впрочем, неважно. Я был бесполезен для неё еще два года назад. То, что меня убивают только сегодня, означает, что она помнит о прежней привязанности и проявила ко мне милость.

Ань Чжиюань тихо застонал, но был доволен и этим.

Е Сесемнадцатая почувствовала, как к горлу подкатил ком. Она не могла сказать ему правду: Госпожа держала его не из милости, а лишь потому, что ждала подходящего момента, чтобы объясниться с Тем человеком.

— Ты... жалеешь? — с трудом произнесла она.

— Ха-ха-ха! — Ань Чжиюань рассмеялся, словно услышал самую смешную шутку. Он посмотрел на неё с твердостью: — Не жалею. Если бы время повернуло вспять, я поступил бы так же.

Жалею ли я?

Нет...

Это был и ответ самой Е Сесемнадцатой.

Она добровольно стала тенью за спиной Госпожи, лишь бы изредка украдкой бросить на неё взгляд. И пусть её взор всегда устремлен к той сияющей луне, и она никогда не оглянется на неё — она готова была испить эту чашу до дна.

Она только сейчас поняла, что они с ним — одного поля ягоды.

Серебристая вспышка прорезала тьму темницы...

Ань Чжюань с довольной улыбкой навсегда закрыл глаза.

Неизвестно, что именно тронуло Е Сесемнадцатую: его безмятежное лицо или жалость к его судьбе. Ей стало невыносимо тяжело находиться здесь. Не дожидаясь, пока догорит свеча, она поспешно вышла прочь.

Тусклый огонек мерцал, освещая ледяную камеру. В этом уюте было что-то пугающее.

<http://bllate.org/book/19784/1949664>